

СТОЛЕТИЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ

Подготовили к публикации (сост. и ред.):

Аблеев С.Р. (рук. авт. кол.),

Марченя П.П. (отв. ред.)

Полное библиографическое описание документа:

Столетие Русской революции в контексте проблем социальной стабильности и безопасности / С.Р. Аблеев, П.П. Марченя, А.А. Васечко, Н.В. Галанина, Е.В. Глинчикова, А.Л. Золкин, В.В. Кулачков, Н.Ф. Медушевская, А.В. Митин, С.В. Михалев, В.В. Неганов, О.В. Парилов, Н.В. Стрелкова, А.Г. Ткаченко, И.А. Треушников, Т.Н. Фролова, О.В. Чистякова, Г.В. Шашурина, К.С. Щелоков; под ред. С.Р. Аблеева (рук. авт. кол.), П.П. Марченя (отв. ред.). – Москва: Соционет, 2017. – 44 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://users4496447.socionet.ru/files/4.100.pdf>

Сокращенная ссылка на публикацию (при цитировании):

Столетие Русской революции в контексте проблем социальной стабильности и безопасности. М., 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/4.100.pdf>

В январе 2017 г. в рамках постоянно действующего при кафедре философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя научно-теоретического семинара «Современная философия: актуальные идеи и тенденции» (с результатами работы которого можно ознакомиться, в частности, по материалам ежегодных сборников научных трудов «Философские исследования и современность»: выпуски 2012¹, 2013², 2014³, 2015⁴, 2016⁵ гг.) состоялся всероссийский (с участием представителей Нижегородской академии МВД России (Нижний Новгород), Брянской государственной инженерно-технологической академии (Брянск) и научного проекта «Народ и власть»⁶) круглый стол на тему «Столетие Русской революции в контексте проблем социальной стабильности и безопасности».

На этом Столе получили дальнейшее развитие дискуссии, начатые на межведомственных круглых столах этого же семинара «Общественное сознание и отечественная философская традиция в контексте проблем духовного суверенитета России» (апрель 2016 г.)^{7 8}, «Кризис как фактор социального развития» (октябрь 2016 г.)^{9 10}, «Цивилизационный суверенитет России: проблемы и перспективы» (ноябрь 2016 г.)^{11 12}.

В центре внимания участников нового Стола, в работе которого приняли участие 19 ученых, находилась проблема междисциплинарного осмысления исторических уроков Российской революции 1917 г. и их учета в современной России в контексте проблем обеспечения социальной стабильности и общественной и государственной безопасности.

Ниже вниманию читателей представлена сокращенная версия записи этой дискуссии.

Материалы подготовлены к публикации коллективом авторов кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (**С.Р. Аблеев**, начальник кафедры, доктор философских наук, доцент; **А.А. Васечко**, преподаватель кафедры, кандидат юридических наук; **Н.В. Галанина**, доцент кафедры, кандидат философских наук; **Е.В. Глинчикова**, старший преподаватель кафедры, кандидат философских наук; **А.Л. Золкин**, профессор кафедры, доктор философских наук, доцент; **П.П. Марченя**, заместитель начальника кафедры, кандидат исторических наук, доцент (автор и редактор научного проекта «Народ и власть»); **Н.Ф. Медушевская**, профессор кафедры, доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент; **А.В. Митин**, доцент кафедры, кандидат философских наук; **С.В. Михалев**, старший преподаватель кафедры, кандидат философских наук; **В.В. Неганов**, старший преподаватель кафедры, кандидат философских наук; **Н.В. Стрелкова**, заместитель начальника кафедры, кандидат социологических наук, доцент; **А.Г. Ткаченко**, доцент кафедры, кандидат философских наук, доцент; **Т.Н. Фролова**, доцент кафедры, кандидат социологических наук, доцент; **О.В. Чистякова**, профессор кафедры, доктор философских наук, профессор; **Г.В. Шашурина**, доцент кафедры, кандидат социологических наук, доцент; **К.С. Щелоков**, преподаватель кафедры, кандидат юридических наук) с участием кафедры философии Нижегородской академии МВД России (**И.А. Треушников**, начальник кафедры, доктор философских наук, доцент; **О.В. Париков**, профессор кафедры, доктор философских наук, профессор) и специалистов других вузов России: **В.В. Кулачков**, доцент кафедры философии, истории и социологии Брянской

государственной инженерно-технологической академии, кандидат исторических наук, доцент.

П.П. Марченя. [Столетие Русской революции в контексте проблем цивилизационного суверенитета России]

Уважаемые коллеги! Очередной Стол, который мы вновь проводим в рамках семинара «Современная философия: актуальные идеи и тенденции», продолжает дискуссии, начатые на наших предыдущих круглых столах в прошлом, 2016 г.

В наступившем Новом, 2017-м, Россия (и не только) готовится отметить очень важный, но довольно тревожный, учитывая сложившуюся в стране и мире ситуацию, исторический юбилей. Сто лет назад с треском была обрушена ранее не один век в истории вполне успешно проходившая жестокие испытания на прочность отечественная имперская государственность. Тогда для многих это оказалось большой «неожиданностью» – даже для тех, кто самым непосредственным и не последним образом участвовал в этом обрушении.

Сегодня, несмотря на то, что от тех, эпохально значимых, изменивших мировую историю событий Февраля–Октября 1917 г., нас разделяет уже целое столетие, ни у политических и интеллектуальных элит, ни у широких народных масс, увы, нет никакой «обнадеживающей» уверенности, что подобные катаклизмы остались для России в ее «непредсказуемом» прошлом.

И даже более того – множественные серии сеющих хаос по всему миру массовых протестных движений, масштабных стихийных и искусственно организованных волнений, удавшихся и неудавшихся

политических переворотов в самых разных регионах мира (в том числе, увы, и на постсоветском пространстве, и даже совсем рядом, среди традиционно считавшихся «братскими» народов, недалеко от сердца «Русского мира») делают существование исторической государственности в России (впрочем, как и в любой другой стране современного глобализирующегося мира) куда более ненадежным, чем сто лет назад. Вообще, ненадежным как никогда ранее. Все эти многочисленные – «оранжевые», «тюльпановые», «розовые», «гвоздичные», «васильковые», «жасминовые», «лотосовые», «кедровые», «дынные», «зонтичные», «бархатные», «бульдозерные»... – и всякие прочие «цветные» и «нецветные» революции – самым наглядным образом убеждают, что за минувшее столетие так называемый «век масс» никуда не «канул» – ни из мировой, ни из отечественной истории. И что для любого, даже, казалось бы, внешне вполне стабильного режима сохраняется далеко не абстрактная угроза его «внезапной» насильственной смены. В том числе и без прямой интервенции, как это обычно чаще происходило в прошлом, а путем применения современных специальных технологий, с «гарантией» выводящих массы из исторического равновесия и прицельно канализирующих массовый негативизм, взрывающий государство и общество изнутри.

И на фоне непрерывного совершенствования таких якобы «мягких» технологий нашими так называемыми «партнерами» по геополитическому противостоянию – и в условиях все большего обострения и без того ожесточенной информационно-психологической мировой войны – актуальность переосмысления уроков «Смуты–1917»

для «России–2017» является никак не просто всего лишь «юбилейно обусловленной»...

На обсуждение сегодня выносятся следующая *примерная* проблематика:

- *Смуты и революции в кризисном ритме российской истории;*
- *100-летний юбилей революции в контексте современного россиеведения;*
- *Революция как мера понимания России;*
- *Февраль и Октябрь 1917 г. в исторической памяти и политическом календаре России 2017 г.;*
- *«Красные» и «белые» в России XXI века;*
- *Проблемы «размежевания» и «примирения» в постреволюционном дискурсе;*
- *«Новая Россия» и уроки советской истории;*
- *Элиты и массы в системных кризисах России;*
- *«Цветные революции»: технологии, риски, профилактика;*
- *Закончена ли эпоха революций для России и Русского мира?*

В.В. Кулачков [Закончена ли эпоха революций?..]

Уважаемые коллеги, благодарю за приглашение к участию в дискуссиях этого круглого стола, и хотел бы предложить свой ответ на вынесенный в программу Стола вопрос: «Закончена ли эпоха революций для России и Русского мира?»

По моему мнению, революция в нашей стране, как и в любой другой, возможна, но в настоящее время маловероятна. Российское общество просто устало во всех смыслах этого слова, поэтому нагнетание предреволюционных настроений в канун столетнего юбилея революционных событий 1917 г. представляется не очень обоснованным

и уместным. Тем более, что по отношению к событиям того времени в обществе до сих пор существуют полярные оценки. Одновременно с этим в нашей стране присутствует так называемая стабильность, когда парадоксально сочетаются равнодушие и агрессия, усталость и стремление к переменам, то есть некое мозаичное состояние массового сознания. Однако это состояние очень призрачно, так как давно известно, что русские медленно запрягают, но быстро ездят.

Думаю, 2017 г. будет не лучше и не хуже других, все будет непросто. Ради объективности следует сказать, что пока революции (или радикальные события) в современный период отечественной истории обходят стороной нашу страну, хотя нельзя отрицать, что кольцо сжимается. Сейчас (и уже долго) существуют экономические санкции, сохраняются низкие цены на нефть (особенно в сравнении с предыдущими временами), затруднен доступ новых технологий, используются все способы для раскачивания ситуации в стране.

При этом всем ясно и понятно, что в России, как и в любой другой стране, множество нерешенных проблем. Просто элиты одних стран умело ретушируют свои недостатки, а достижения чрезмерно преувеличивают. Кроме того, нельзя все сводить только к материальной стороне жизни, то есть к экономике. Ведь в СССР тоже было достаточно проблем, но там, несмотря на все издержки, была сильна идеологическая составляющая. Присутствовала великая цель – построение социалистического общества. Особенно величие этой цели видится теперь, в условиях нынешней современной России, когда все решают деньги (вернее, их количество).

Поэтому в настоящее время крайне необходима национальная идея, поиски которой ведутся уже давно. Идея, которая могла бы

сплотить, по крайней мере, большинство общества, что позволило бы дальше развиваться более динамично. Людям надо дать больше возможностей для того, чтобы добиться успеха. Ведь жизнь одна, и она проходит... И если кризисная ситуация еще больше затянется, экономическое положение еще более ухудшится, то возможны новые глубокие общественные потрясения.

Понятно и то, что одни политические системы неизбежно устаревают и заменяются другими. Однако сейчас, повторюсь, очень мала вероятность революционного развития ситуации. События на Украине в 2014 г. показали пагубность так называемых «цветных революций» (о чем уже было сейчас сказано, они были и раньше, но никогда так близко от России). Поэтому страх от их повторения в России очень силен, и народ прекрасно понимает, что простой человек от этого ничего не выиграет. При этом в России, как и в СССР в свое время, зреет недовольство, которое будет еще больше усиливаться и в итоге в будущем приведет к неизбежной, по моему мнению, смене власти.

Хочется верить, что это произойдет мирным и легальным путем.

В.В. Неганов. [Еще раз о незаконченности революции...]

У меня реплика по поводу того же вопроса: «Закончена ли эпоха революций для России и Русского мира?»...

Вопрос этот далеко не риторический. Дискуссия по этому поводу могла бы развиваться только в историко-философском направлении, если бы вопрос этот не являлся жизненно важным для каждого из нас.

Роль государства в нашей стране во времена СССР была всегда доминирующей, что, естественно, приводило к отсутствию какой бы то ни было политической конкуренции, в частности в сфере политических идей. Явного политического конкурирования не было.

Преимущественное влияние государства на все сферы жизни и тотальная централизованность удерживали СССР более 70 лет.

Во все времена кризисы являлись – и являются сейчас – некими эксцессами в естественном направлении политического процесса, и поэтому политическое строение, акцентированное на кризис, становится неспособно существовать в правильном правовом порядке. Например, инициаторы Перестройки пытались возродить политическую конкуренцию, которую предполагали оживить соперничеством хозяйственных структур, не отменяя и не ослабляя главенства социалистического достояния. Неспособность советской хозяйственной модели конкурировать с рыночной в условиях обычной, не мобилизационной, экономики, требовала запрета на существование альтернативных экономических укладов. После отмены этих запретов советский монолит потерял единство и развалился – политически, экономически и географически.

Идущая в настоящее время в России социальная полемика не позволяет забыть о том, что «есть у революции начало, но нет у революции конца», что в полной мере отражает общеизвестный тезис о незаконченности революции.

С.В. Михалев. [Революция и безопасность России]

Коллеги, у меня короткая реплика. Вопрос национальной безопасности и как следствие социальной стабильности в настоящее время является первостепенным и определяющим последующий ход развития российского общества. История России за последние 100 лет представляет собой противоречивый процесс утверждения и низвержения, как правило, искусственно навязанных идеологических догм, которые стоят «особняком» от цели развития общества.

В этой связи объективную оценку влияния феномена Революции на динамику общественных процессов еще предстоит более глубоко осмыслить и сформулировать.

С другой стороны, столетие революции 1917 г. – весомый повод обратиться к причинам и природе тех исторических событий. При этом особое внимание следует уделять формированию условий по сохранению ценностей, принадлежащих к духовным и нравственным традициям Российской цивилизации.

А.Л. Золкин. [Октябрьские события 1917 г. в России – политический переворот или социальная революция?]

Вопрос о роли революций в общественном развитии является предметом острой идейной борьбы. Сегодня многие утверждают, что революция как форма социального развития неэффективна и бесплодна, связана с колоссальными издержками и во всех отношениях уступает эволюционным формам развития. Представители марксизма, наоборот, называют социальные революции «локомотивом истории». Они настаивают на том, что только в революционные эпохи совершается общественный прогресс. О «революции» («либеральной») говорят и либералы (Ф. Фукуяма), а консерваторы (Ю. Эвола) призывают к «консервативной революции».

Большевики, в том числе и В.И. Ленин, вполне отчетливо понимали, что они осуществляли политический переворот. Однако целью этого переворота был не захват власти ради нее самой, а качественная социально-экономическая и социально-политическая трансформация общества, переход к новой общественно-экономической формации. Но такой переход не может быть «октябрьским», поскольку требует не месяца, а десятилетий. А может быть столетий?

Но тогда не утопия ли эта идея?

Если это утопия, то не единственная. И либералы, и консерваторы имеют свои собственные утопии. Действительно, Ленин со своей концепцией победы социализма в одной стране сближался с утопическими социалистами, например, с Р. Оуэном, который пытался создать своего рода «социалистические островки» в феодально-капиталистическом мире XIX в. СССР стал целым континентом-заводом в капиталистическом окружении XX в.

И все же идеология – это не утопия, а скорее несколько абстрактное видение реальности, которая оказывается сложнее любых теоретических построений.

Социалистические революции произошли в экономически слаборазвитых странах, таких как Россия и Китай. Но были ли эти революции социалистическими? Или они были консервативно-мобилизационными? Сегодня Китай является лидером мирового экономического развития, считает себя социалистическим и направляется Компартией.

Закрывать вопрос социалистической перспективы невозможно, просто объявив Октябрьскую революцию «путчем», а соответствующую идеологию – «утопией». XX–XXI вв. – это время трех революций со своими утопиями: Великой социалистической революции марксистов, Великой либеральной революции глобалистов, Великой консервативной революции традиционалистов.

Все они дают свои варианты видения будущего. Проблема в том, что в будущем у нас не простая длительность существования, а грядущий фазовый переход в развитии цивилизации.

И.А. Треушников. [Российские революции сквозь призму философии всеединства]

Коллеги, я хотел бы взглянуть на российские революции сквозь призму философии всеединства, которая, как известно, была одним из влиятельных направлений в русской философии рубежа XIX–XX вв.

Для нас особенно интересно то, что крупные и оригинальные мыслители, относящиеся к этому направлению, были непосредственными свидетелями революционных событий. Идейный основатель философии всеединства – В.С. Соловьев – не дожил до российских революций, но он «предчувствовал» события, которые стали подлинными трагедиями, как для нашей страны, так и для всего мира.

Знание исторических фактов далеко не всегда означает способность *понять* историю, выяснить ее смыслы, вынести из нее уроки. На наш взгляд, не следует преуменьшать значение собственно философского осмысления исторических событий. В этой связи несомненна актуальность отечественных философских концепций, сформировавшихся в контексте православного вероучения в условиях того времени, принципиально напоминающих современные реалии.

Представители философии всеединства, раскрывая доминантные для каждого из них темы, дают примеры осмысления революционных событий в контексте традиционной духовной культуры, при этом они сохраняют близость исходных метафизических интуиций. Смысл истории постигается сквозь призму идеи положительного всеединства в религиозном ее варианте. Мыслители, за редким исключением (в лице П.А. Флоренского, в отдельных трудах которого можно обнаружить изоляционистские тенденции), весьма последовательно рассматривают

историю нашей страны в качестве элемента единого мирового исторического процесса.

Так, Е.Н. Трубецкой непосредственно наблюдал революционные потрясения и крушение империи, которое было для него одновременно и окончательным крушением представлений о мировом призвании России. Однако, по его мнению, все страны мира находились под угрозой «заразы массового безверия», результатом чего будет общий кризис патриотизма. Идеология классовой борьбы, являющаяся продолжением «логики войны», рано или поздно захватит все народы, независимо от того, являются они победителями или побежденными. Война без победы катализирует социальный кризис, но и победа не избавляет от проклятия всеобщей ненависти, тем самым заключая в себе «элементы смертельной опасности». «Счастливый победитель» тоже становится «жертвой логики войны».

Для современной истории данная мысль Трубецкого звучит очень актуально, особенно предостерегающе она выглядит в условиях политики глобализма и в свете последних событий на мировой арене. Война и революция, в сущности, порождены разложением религиозного онтологического миропонимания, выступают рецидивом «человекобожеских» (антихристианских по сути) тенденций, о чем много писал и С.Н. Булгаков.

В целом представители философии всеединства связывали будущее развитие России с возрождением духовного авторитета церкви, выступающей носителем замысла Бога о мировой гармонии. Ее идеалы являлись для этих мыслителей критерием общественного прогресса. Гибель старой России воспринималась ими не

как конец, но как возможность для перерождения и восстановления (как страны, так и церкви) на основе религиозного содержания жизни.

А.В. Митин. [Россия «сто лет спустя»: революция или эволюция?]

Коллеги, как известно, «революция» от французского *revolution*, означает «поворот», «переворот». Рассматривая Русскую революцию, с момента свершения которой исполняется в этом году 100 лет, можно говорить о коренном разрушении существовавшего в то время строя, и утверждении нового, более прогрессивного.

Любая социальная революция происходит в период кризиса, и, как правило, вызвана обострением нужды и бедствий большей части населения. Она осуществляется быстрыми темпами и коренными преобразованиями в основных сферах общества, что, с одной стороны, дает быстрый результат. Однако, с другой стороны, социальные революции, дающие движение преобразованиям (прогрессивным или регрессивным), сопровождаются разрушением, насилием, братоубийством и другими негативными явлениями, которые оставляют свой след в истории.

Достаточно отметить, что только погибшими в ходе Гражданской войны Россия потеряла более 10 миллионов своих граждан, не включая эмигрантов и т.д. Так называемый эволюционный путь общественных преобразований был бы более предпочтителен и предсказуем, и позволил бы в большей мере сохранить преемственность традиций, школ, и самое главное, миллионы судеб россиян.

В ходе построения нового общества было много побед и неудач, героического и трагичного. Раскулачивание, голод, унесший в СССР по разным подсчетам от 2 до 8 миллионов жизней, репрессии, Великая

Отечественная война, в ходе которой погибло более 26 миллионов человек и т.д.

Вместе с тем нельзя забывать и Великую Победу, спасшую от порабощения фашизмом не только российский народ, а практически все население планеты, освоение новых целинных земель, индустриальный рост во всех областях экономики, развитие науки, способствующей в том числе и покорению человеком космоса, открытию космической эры.

Но, начиная с середины 1980-х гг., в стране усиливаются негативные явления, способствующие распаду СССР и образованию отдельных независимых государств. Процесс распада Советского Союза и образования отдельных независимых государств, как и любая революция, опять сопровождался разрушением, насилием и другими негативными явлениями, которые нашли свое продолжение в Европе и Азии, а затем проявили себя в новых независимых государствах, образовавшихся на территории бывшего СССР.

Начиная с 90-х годов XX столетия в странах Восточной Европы и Монголии проходят так называемые «бархатные революции», целью которых стала смена общественно-политического строя, ликвидация политических режимов советского типа.

Более того развитие «бархатных революций» способствовало появлению уже названных «цветных революций», в ходе которых происходит смена политического режима при помощи подготовленных и управляемых оппозицией, которая в свою очередь имеет целевую поддержку из-за рубежа, массовых «народных» акций. Достаточно отметить такие государства как Грузия, Киргизия и, в настоящее время, Украина.

Данные процессы оказывают влияние на все страны мира и вносят

нестабильность в развитие и мирное сосуществование государств.

Заканчивая выступление, хочется сделать следующие выводы:

– социальная революция порождает масштабные противоречия, которые делят общество – и в свою очередь становятся источниками новых революций;

– развитие гражданского общества, его культуры в целом, способствует предотвращению кризисных явлений в государстве;

– для современной России эволюционный путь общественных преобразований является более предпочтительным и предсказуемым, способствующим поддержанию и развитию российских традиций, патриотизма, укреплению ее суверенитета и, самое главное, сохранению духовно-нравственного здоровья нации.

Н.Ф. Медушевская. [Революция и свобода в России]

Вплоть до начала XX в. в России преобладал тип государственности с такими чертами, как монархизм, патриархальность, стабильность, относительная бесконфликтность, общинная форма собственности и психологии. И хотя после восшествия на престол династии Романовых страна повернулась к Западу, наша государственность так и не стала западной с ее агрессивностью, индивидуализмом, уважением частной собственности, конкуренцией и мобильностью. В массовом отечественном правосознании сохранилось признание приоритета государственных интересов над частными, незыблемости власти, оправданности ее вмешательства во все сферы жизни, в том числе и индивидуальной.

Попытки Александра II построить государство на фундаменте равенства и права не нашли поддержку среди основной части населения. Народ уже свyksя с гнетом власти, жестким автократическим этатизмом, с привычкой полагаться на силу и мощь государства. Гражданские свободы

впервые появились в российском законодательстве только в Манифесте 17 октября 1905 г. Но формальное провозглашение защиты свободы совести, слова, собраний не означало отмены негласного и гласного надзора за «неблагонадежными» лицами. Ограничено было и право на свободу передвижения. Принцип универсальности права не был воплощен последовательно: права, в том числе и избирательные, распространялись на все сословия, но в разной степени.

Первая русская революция вынудила царское правительство пойти на некоторые изменения в государственном строе, в результате чего из основных законов была устранена характеристика власти императора как «неограниченной», но положение верховной самодержавной власти императора сохранилось.

Идея правовой свободы была неизвестна в массовом правосознании, которое сложилось в условиях авторитарно-самодержавного общества, оставалась не воспринятой малограмотной народной массой, в правовом сознании которой доминировали стихийные начала вольных степей и бескрайних просторов. Народ не имел юридического мировоззрения, да в России и не было условий для его формирования.

Разночинная молодежь в поисках правды и справедливости вступает на путь нигилизма, радикализма, террора и насилия. Так, стремление жить в соответствии с правдой ассоциируется у народников с желанием за правду пострадать. Герой народнического движения страдает за правду, но в этом страдании он не щадит и других, следовательно, террор нравственно оправдан.

Уже с первых дней Октябрьской революции выражением «революционной законности» становятся повсеместные беззакония, которые рассматривались новой властью как норма. После революции

была установлена ленинская диктатура, ликвидирован дореволюционный институт права и правосудия, появились ревтрибуналы, осуществлявшие «правосудие» на основании «пролетарской совести» и «революционного самосознания».

Для большевиков характерен примат силы над правом, верховенство классовой борьбы и диктатуры пролетариата, партийная мораль и классовая совесть, отрицание и попрание общечеловеческих ценностей как абстрактных и не выражающих дух народа. Победа большевиков по сути дела вытекала из установок отечественного самосознания с его эсхатологизмом и религиозностью, выразившихся в поисках и дальнейшем строительстве Града Божьего на Земле.

Но ставка на жесткие, революционные методы себя не оправдывала, общество, основанное на насилии, страхе, угрозе репрессий, несправедливых законах, не в состоянии было избавиться от извечных человеческих пороков. Большевистские пророчества и обещания Царства справедливости не сбылись, революция не спасла русский народ от деспотизма и установления «демократической деспотии» (С.Л. Франк).

А.А. Васечко. [Трансформация российского правопонимания в начале XX в.]

Столетие Февральской и Октябрьской революций в России снова и снова заставляет вернуться к анализу ее причин, природы и последствий. Они привели к кардинальным изменениям в государственном и общественном строе, ознаменовали формирование основ нового права. Главным источником права стало революционное тоталитарное правосознание, которое в дальнейшем и определяло тип правопонимания и содержание новых писанных норм.

В отечественной истории правовой мысли наблюдается сложная эволюция понимания права. Исследуя вопросы правопонимания в дореволюционной России, можно сказать, что в ней представлена богатая палитра различных точек зрения на этот социальный феномен.

Правоведами царской России разрабатывались философский, легистский, социологический, психологический типы правопонимания. Всплеск интереса к возрождению естественного типа правопонимания в России наблюдается в «золотой век» философии права – на рубеже XIX–XX вв. Для либеральных теоретиков в предреволюционной России было принято делить право на естественное и позитивное, выступавшее как две дополняющие друг друга точки зрения на один и тот же объект.

Такой широкий подход к пониманию права в результате событий 1917 г. был заменен узким, сугубо легистским подходом, характерным для марксистско-ленинской теории.

В тот или иной период развития российскому государству были присущи различные методы регулирования отношений, с которыми соотносился тот или иной тип правопонимания.

В послереволюционной России на уровне государственной власти была признана необходимость формирования нового права и правовых методов регулирования, адекватных потребностям диктатуры пролетариата и социалистического строительства. В Советской России в рамках узкопозитивистского подхода обосновывалась идея отмирания права, все чаще общественные отношения регулировались разрешительным методом, основным инструментом которого стала юридическая норма. Источниковая база, таким образом, стала довольно ограниченной и по большей части была представлена законами и подзаконными актами.

Общедозволительный метод регулирования, характерный для естественно-правового понимания права и основным инструментом которого является договор, допускался лишь в отдельных отраслях права (международном, гражданском, трудовом праве).

Возрождение интереса к естественному типу правопонимания появляется в России только в 50-е гг. XX в., после Второй мировой войны, что связано с политической ситуацией в стране и в мире, в частности с печальным опытом фашисткой Германии.

Только с началом процессов демократизации российского общества в 1990-х гг. происходит признание договорного метода регулирования в качестве равноценного иным методам правового регулирования, и договор выступает как в качестве источника субъективного права, так и объективного права.

Каждый из названных выше типов правопонимания не только сохранил свою актуальность, но и довольно плодотворно развивается современной теорией права. Сегодня перед правоведами встает одна из сложнейших и вместе с тем интереснейших задач формирования современного типа правопонимания, основанного на базе методологического плюрализма и рассмотрения явлений в условиях множественности теоретико-правовых воззрений. Интегративный подход к пониманию сущности права основывается на признании права сложным, многогранным, многоаспектным, развивающимся явлением.

Г.В. Шашурина [Юбилей Российской революции в контексте современного россиеведения: преемственность пути]

Рассматривая юбилей Российской революции 1917 г. в контексте современного россиеведения, можно отметить, что Великая Октябрьская революция, безусловно, является ярчайшим и важнейшим событием не

только XX в., но и целого столетия, уже прошедшего после нее. Хотя ее историческая оценка изменялась много раз, и лишь сегодня возможно говорить о каких-то более или менее очевидных выводах о ее роли в российской и мировой истории. Бурные исторические эпохи оставляют в памяти истории гораздо более глубокий след, чем времена спокойные, драматический исторический опыт формирует особое политическое поколение его участников, людей, творивших историю лично и оказавших огромное влияние на последующий ход событий.

В контексте современного осмысления этого исторического опыта Российская революция воспринимается как великий переворот, целью которого было, прежде всего, восстановление справедливости. Это попытка воплощения многих утопических социальных моделей построения равноправного общества – событие настолько значительное, что действительно смогло изменить коренным образом судьбу не только своей страны, но и всего мира в целом, повлияло на ход общественного прогресса.

Россия, которая существует сегодня, по существу была определена сто лет назад. Тот путь, который она проходит, был намечен именно в то время. Политический акт взятия власти большевиками явился мощной движущей силой, направившей цивилизацию к ее нынешнему относительно благополучному состоянию. Разделившись на две политико-экономические системы, мир получил не только первый опыт социалистического общества, но и новую модель развития общества капиталистического, идущего по гораздо более социализированному и демократическому пути – именно благодаря этому опыту.

Революционный путь, по которому прошла Россия, можно рассматривать как акт исторической трансформации политико-

экономического строя, создавший мощный фактор воздействия на старую индустриальную систему, фактор, изменивший модель ее развития на новую, гораздо более эффективную. Сохранение и развитие достижений существующей сегодня системы во многом возможно благодаря использованию инструментария и методологии социалистического общества.

Путь развития нашей страны от дореволюционной Российской империи через Советский Союз к современному государству полон ошибок и достижений, трагизма и оптимизма – и в действительности объясняет необходимость и обусловленность каждого своего шага. Преемственность эпох и поколений наполняет глобальным смыслом путь пройденный и определяет направление, по которому Россия идет сегодня.

Н.В. Галанина. [Революция и власть: Россия на перепутье]

Вопрос о преемственности пути/путей – сложный вопрос. Движение истории неравномерно. В человеческой памяти остаются какие-то вспышки, эпохальные перемены и потрясения, которые чередуются с периодами относительного спокойствия. В древних российских летописях про эти периоды пишут: «ничего не бысть». Социально-историческое время, темп событий тоже неоднородны, они то ускоряются, то замедляются, иногда социальная система начинает развиваться рывками, как правило, это связано с появлением на исторической сцене харизматичного, целеустремленного вождя, реализующего некую программу, либо связано со стремительно нарастающим кризисом в обществе.

В России важную роль играло не просто самодержавие, а сильная личность, управляющая государством, с ореолом сакральности. Воля

государя стояла выше любых законов, обязательных для подданных. При деспотах и тиранах (Иван Грозный, Петр I, Иосиф Сталин), способных вовлечь население к выполнению масштабных и стратегических задач через энтузиазм и страх, народ жил тяжело и страшно, но не было порой даже ропота, при гуманных же государях (Борис Годунов, Алексей Михайлович, Николай II) страну постоянно лихорадило.

Потрясения «смутных времен» российской истории показали, что самодержавие без классического, авторитетного самодержца не способно работать эффективно в России. При способном и деятельном правителе страна росла и крепла, а с правителями меньших способностей оказывалась в состоянии упадка и застоя. Совершенной катастрофой для страны становилось отсутствие самодержца, это приводило страну к параличу и острому кризису.

Слишком сильное самодержавие при слабом государстве и сочетании полной власти монарха с неразвитостью государственных институтов делало социально-политическую систему России хрупкой. Стоило только остаться без сильного самодержца или лидера в России XX–XXI вв. и государство рассыпалось и рушилось. В целом у страны было больше проблем, чем у власти. В.О. Ключевский писал по этому поводу, что русские очутились в неловком положении людей, отставших от собственных потребностей. Эти слова вполне находят отклик и в современных реалиях.

Вместе с тем, с точки зрения государственной системы и ее истории – смута и революция имеют своей целью создание новых форм, более соответствующих силам настоящего. После драматизма катастроф, исчезновения ярких личностей начинается процесс заживления и восстановления сил страны, происходит создание новой общественной

системы. Необходимость модернизации и реформ становится очевидна всем мыслящим людям.

На перепутье остается только выбрать путь. А их, «магистральных», в России два. Либо «горизонтальный» (как при феодальной раздробленности), который бы стимулировал развитие провинции и самостоятельность населения, либо «вертикальный» – тотальное самодержавие, способное форсировать развитие быстрыми и суровыми средствами.

К.С. Щелоков. [Россия и исторические крайности]

Действительно, для России, несмотря на весь ее консерватизм, всегда была характерна крайняя полярность протекающих общественных процессов. В России часто наблюдался радикальный переход от одной крайности к другой, от вялотекущих процессов изменения к революционному развитию.

Так, например, Петр I резко «порвал» с традиционным русским прошлым, жестко и, в крайне сжатые сроки, изменил характер цивилизационного процесса в России, перестроив его на европейский лад. Подобным же образом, пришедшие к власти «большевики» в 1917 г. перестроили весь ход истории, как и происшедший «крах» Советского Союза и последующие после этого события конца XX в.

Все это тяжело и неоднозначно воспринималось и современниками, и потомками. Ломка всего уклада жизни, радикальная перестройка общественных отношений отражалась крайне болезненно и в человеческом сознании, и на благосостоянии государства. В результате, на первый взгляд, кажется, что радикализм, революционность российской истории является одной из ее главных бед.

Действительно, само перечисление всего того количества бедствий и утраченного в результате революции 1917 г. потрясает воображение: гражданская война, интервенция, утраченные земли, разоренные города и села, массовый голод, эмиграция культурной элиты и интеллигенции. Разве есть что-то, что стоит такой огромной заплаченной цены?

Однако это лишь одна, так называемая внешняя сторона оценки процессов. Представляется что именно благодаря таким радикальным рывкам, России и удалось сохранить культурную идентичность и состояться как великое государство.

Дело в том, что в силу традиционности, консервативности в России в «обычных условиях» крайне медленно, как бы «неохотно» протекают процессы модернизации. Должна быть по-настоящему крайняя ситуация, надвигающаяся катастрофа, угроза военного истребления, чтобы процессы перестройки и модернизации запускались в полном объеме. Именно таким способом и являлось радикальное революционное развитие, как способ цивилизационного выживания и приспособления к изменившимся условиям. Именно таким радикальным способом Петр I не просто сохранил государственность перед лицом надвигающегося поглощения, но и поставил Россию в один ряд с основными участниками на геополитической арене Европы и мира.

Представляется, что именно в этом же историческом ключе и надлежит рассматривать события 1917 г. в России и оценивать их последствия.

Е.В. Глинчикова [«Новая Россия» и уроки советской истории: зачем нам революция?]

Мне хотелось бы несколько слов сказать о том, какие есть перспективы у «Новой России» и для чего нужна революция.

В 90-е гг. мы ненавидели все советское и преклонялись перед западной культурой, западным менталитетом, западными традициями. Сегодня любить Запад не модно, но в то же время все смотрят западные фильмы, носят западную одежду, а депутаты в Думе ссылаются на американскую и европейскую правовые традиции и практики. Одновременно в обществе остро чувствуется ностальгия по прошлому, ушедшему советскому прошлому. С каждым годом растет ностальгия по великой державе с высочайшим уровнем бесплатного образования, с бесплатной медициной. Люди готовы простить советской эпохе все ее недостатки, включая тиранию Сталина, ГУЛАГ и жуткий страх перед государством, въевшийся в наше народное подсознание.

Так почему же вместо творчества «Новой России» мы все глубже и глубже укореняемся в прошлом? Возникает вопрос: а возможно ли вообще сегодня реальное творчество новой страны?

Веры в то, что это творчество сегодня возможно, практически нет. Искусство находится в упадке, кинематограф не балует качественными фильмами. Остаются только воспоминания, воспоминания даже уже не о реальном Советском Союзе, но скорее о стране, которой на самом деле не было, но очень хотелось, чтобы она была.

Есть один немецкий фильм, который называется «Гудбай, Ленин». Там, по сюжету, сын боится сообщить больной матери, яркой коммунистке, об объединении ФРГ и ГДР и о разрушении берлинской стены. Все нововведения, происходящие в ГДР после этого объединения, он представляет как результат обновления политики страны, из-за чего в Восточную Германию и хлынули люди из капиталистического и невыносимого ФРГ. Мать радуется той стране, которой никогда не было и никогда не будет.

Россия сегодня – как эта больная мать, которой, в сущности, не нужны никакие уроки, но нужна надежда, иллюзия, обман. Иллюзия большой сильной державы, эмоциональный подъем от ощущения собственной мощи, как на картинах Дайнеки, в которых одновременно и полет и телесная сила. Новой России нужна мечта и вдохновение, но мы, кажется, разучились мечтать. Мы начали рассуждать о том, каким должен быть политический курс современной России, о махинациях Запада и т.д., потому как все наши мечты уж слишком стараются быть обоснованными, спланированными, в них мало полета, фантазии, души, того, что вдохновляло бы. Мы не хотим учить уроки советской истории, мы хотим радоваться, любить так, как радовались наши бабушки и дедушки на майских демонстрациях. Ради мечты не жалко и пожертвовать собой, а вот жертвовать ради прибавки зарплаты в пять тысяч жалко и, более того, мерзко. Мечтать сегодня приходится о прошлом, потому как будущее может порадовать разве что тотальной перестройкой, в которой опять будет много тяжелого.

Интересно, что воодушевление появилось в России после возвращения Крыма, когда многие добровольцами поехали на Донбасс. Там, казалось, есть реальная возможность на руинах старого порядка построить новое государство. Хаос политической системы там дал основание для мечты и создал пространство для возможности нового. И многие ринулись туда, бросив свою работу, дом и семью. Люди хотят пространства для творчества, в жилах скопилась нереализованная энергия, которая современным «застроенным» обществом канализируется только в рамках определенного русла, колеи. А колея делает человека роботоподобным, лишает его жизни.

Возможность творчества скрывается именно там, где прошлый порядок исчерпан, где происходит революция, военный переворот или что-то вроде этого. Чтобы что-то создавалось, необходимо пространство. Если все пространство наших представлений о государственном устройстве современной России «застроено» длинным рядом условностей, творчество как таковое невозможно. Возможно лишь унылое перебирание способов существования в рамках существующего строя.

Таким образом, чтобы освободить место мечте, нужна революция. Можно ли обойтись без нее? Возможно, если будет освобожден новый плацдарм для вливания новых сил. Это может быть образование, культура, наука. Но на деле происходит все большее сдавливание всех этих сфер, все большая бюрократизации, нажим, что рано или поздно непременно выльется в акт отказа, в кич, в погром или революцию.

Таким образом, у современной России для построения новой страны есть две перспективы: либо создание возможностей для мечты и воображения (через развитие и освобождение от бюрократизации и нищеты сферы культуры, образования и науки), либо кич и революция.

О.В. Париллов [Вторая глобальная революция]

Закончилось ли время революций? Отнюдь нет. Именно в наши дни России и всему миру посчастливилось жить на стыке, на «шве» между кардинально различными эпохами. Локальные революции (как в 1917 г.) меняют судьбы народов. Глобальные, подобные нынешней (а всего их было две), трансформируют мировоззрение и жизнь всего человечества.

Первая глобальная революция произошла в XVII в.: на смену традиционному сакральному миропониманию пришел Модерн. Философы это время называли «Новым», и не случайно: человек перестал жить ради

небесного, наука и техника сменили религию; пришли исключительно земные цели и смыслы.

Люди Традиции и Нового времени – как «марсиане» и «земляне». С позиции Модерна русские старообрядцы, тысячами сжигающие себя за двуперстие, – безумцы. Но и с точки зрения людей Традиции не меньший безумец – представитель Нового времени: творец дурной бесконечности прогресса, уничтожающий природу, стяжающий добро, чтобы в итоге, умерев, все оставить.

К исходу XX в. Модерн исчерпал себя, растеряв высшие смыслы бытия, выдвинув на авансцену истории пустого, но довольного собой потребителя. Происходит Вторая глобальная мировоззренческая революция: смерть Модерна и рождение Постмодерна.

Мир стремительно теряет свои скрепы, которыми он держался доселе: четкие разграничения доброго и злого, нравственного и безнравственного, естественного и извращенного. На наших глазах рождается параллельная вселенная – виртуальность, и миллионы мигрируют туда, навсегда прощаясь с реальностью. Но и реальный мир меняется, превращаясь в игровой. Постмодерн ничего не творит и никого никуда не зовет, все вытеснила игра, шоу (актеры в Государственной Думе, флэшмобы, перформансы).

Но самое революционное то, что впервые за всю историю Хомо Сапиенс «созрел» до того, чтобы добровольно расстаться с человеческим обликом. Становятся обыденными субъекты, меняющие пол (или вовсе бородатые женщины), на повестке дня – создание пост(транс)человека: киборга (доработка тела электроникой), мутанта (генные манипуляции)...

Итак, нынешняя эпоха – самая революционная за всю историю.

Т.Н. Фролова. [«Новая Россия» и уроки новейшей истории: реформирование и устойчивость системы]

История России изобилует всевозможными конфликтами, реформами и контрреформами, революциями и контрреволюциями. Анализ этих сложных, внутренне противоречивых явлений позволяет выявить закономерности возникновения исторических событий и способов их разрешения.

Интерес философов, историков, политологов и других специалистов к теме Русской революции 1917 г. не ослабевает и сегодня, и объясняется, в том числе, тем, что в событиях нашей недавней истории просматриваются аналогии с глобальными изменениями начала XX в.

Современная Россия находится в процессе глубоких перемен, начало которым было положено «Перестройкой» второй половины 1980-х гг. и «реформами» начала 1990-х гг., сопровождавшиеся кризисными явлениями во всех сферах жизни общества. Типичной чертой российского варианта «реформирования» стала глобализация негативных тенденций (дезинтеграционные и дезорганизационные процессы, anomia, социальная напряженность...) – и превышение их предела, допустимого для целостности общественного образования. Статистика экономического, финансового, социального развития страны ярко иллюстрируют «уникальность» трансформационных процессов в России того времени, которые по своим масштабам и разрушительности не имеют аналогов в мировой истории.

В обществе как самые устойчивые можно выделить четыре элемента: социальные институты, социальные ценности, социальные нормы и социальные отношения. Именно они являются ключевыми факторами, определяющими стабильное функционирование социальной

системы. Нарушения в этих компонентах, по существу, и являются признаками нестабильности системы.

Назначение *социальных институтов* относится к поддержанию на определенном уровне социального порядка в обществе, что связано с регулированием человеческой деятельности во всех ее формах.

Вслед за дисфункциями формальных социальных институтов деструктивным процессам подвергается и *система ценностей и норм*. Нормы как социальный регулятор всех видов общественных отношений обеспечивают единообразие человеческого поведения в условиях вариабельности индивидуальных интересов.

Помимо норм, система социальной регуляции включает в себя комплекс общезначимых ценностей, представляющих собой нравственные и этические требования, выработанные человеческой культурой, обществом, нацией, социальными группами и являются основой мотивации поведения. Результатом деформации нормативно-ценностной системы является несоответствие целей людей и средств их достижения, вследствие чего большинство его членов не склонны к соблюдению институциональных способов поведения.

Кризис ценностей означает нерегулируемое изменение их структуры и иерархии. Основной причиной искажения системы ценностей является отсутствие в ней представлений, имеющих общесоциальное значение и коррелируемых с групповым и индивидуальным уровнями. Это влечет за собой возникновение групповой морали и правил поведения конкретной общности, идущих вразрез с общепринятыми (институциональными).

Именно такое состояние нормативно-ценностной системы характеризовало российское общество 1990-х – начала 2000-х гг., в рамках которого происходило накопление деформированных норм.

Деформации социальных институтов, ценностно-нормативной системы влекут за собой изменения в системе *социальных отношений*, представляющих собой конкретные варианты поведения, взаимодействия между членами общества.

В условиях реформирования России как системы деформациям было подвержено значительное число социальных институтов, что без соответствующих корректирующих действий повлекло за собой распад функциональных связей в обществе. Усилились противоречия между интересами социальных институтов и интересами основной части населения, а также несоответствие реальных условий и постулатов старой нормативно-ценностной системы. Все более широкие круги населения осознавали, что государство в его нынешнем виде нарушает не только ранее установленные им же социальные поведение, но и неотъемлемые права человека, чем постепенно утрачивает функцию главного формального института. Резко усилившаяся социальная поляризация, имущественное расслоение, стратификационный кризис ускорили процесс дифференциации норм для разных социальных групп. Регулятором поведения становятся нормы и ценности не общесоциального, а группового характера.

В основе стабильности системы, таким образом, лежит воссоздание и поддержание устойчивости и взаимосвязанности функциональных, подчиненных единой цели, элементов структуры общества.

Н.В. Стрелкова. [О технологиях «цветных революций»]

Несколько тезисов о уже многократно упомянутых сегодня «цветных революциях».

По материалам изучения форм и методов революционных движений с XIX до начала XXI вв., разумно сформулировать следующее: «цветная революция» – это новейший вид политических технологий по замене политической власти. Эти технологии являются высокотехнологическим продуктом современной эпохи. Определенный уровень развития в сфере науки, экономики, средств связи и коммуникаций, а также смена социального поведения являются необходимыми предпосылками современных революционных движений.

В XX в. основным типом смены власти были политические революции, во главе которых стояли политические партии. К таким переворотам можно отнести большевистскую революцию в России, аргентинскую революцию Перона, китайскую революция Мао, индийскую революцию Ганди и фашистскую революцию в Италии.

Но уже в конце XX – начале XXI вв. на смену политическим революциям в Европу пришли «бархатные революции». Самые известные среди них – «оранжевая» украинская революция, свержение Милошевича в Сербии, Шеварднадзе в Грузии и Акаева в Киргизии. Они являются примерами «удавшихся» революций. «Неудачи» тоже были: Узбекистан в 2005 г., Азербайджан в ноябре 2005 г.

Анализ произошедших событий позволяет сформулировать следующие положения.

1) «Цветная революция» – это революция «XXI века», революция неправительственных организаций, революция времен глобализации.

2) Основные методы смены власти декларируются как «мирные» и «ненасильственные». Можно даже утверждать, что революция носит подчеркнуто «бескровный» характер. В процессе событий «буква закона» не соблюдается, оппозиция нередко нарушает законы, а когда все прошло «по плану», действия квалифицируются как правовые. Но при этом, как правило, напрямую не используется физическое насилие, редко применяется оружие. Неспроста придуман характерный бренд революции – яркий цвет или цветок.

3) Основная ставка в ходе революции делается на выборы. Итоги выборов, то есть победу оппозиции, объявляют неизбежностью, а другие возможные итоги объявляются фальсификацией. Оппозиция в таком случае утверждает, что были допущены нарушения избирательного законодательства, исказившие волю народа.

4) Массовые демонстрации в столице страны, блокирование и захват ключевых правительственных зданий – вот главные методы воздействия. Формой революции являются массовые митинги, демонстрации и забастовки.

5) На смену политическим партиям приходит коалиция неправительственных организаций.

6) Обязательно присутствие внешней силы, которая финансирует подготовку революции задолго до ее осуществления, а во время событий выступают в качестве посредников в переговорах в союзе с оппозицией.

7) Основная цель «оранжевых» революций – смена геополитической ориентации в пользу той внешней силы, которая финансировала и легитимировала «цветную революцию».

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о значительном влиянии реальной угрозы «цветных революций» на политические процессы, а также на общество и государство.

А.Г.Ткаченко. [Революция и терроризм]

Уважаемые коллеги! Я хотел бы обратить ваше внимание на несомненную связь революции с терроризмом.

«Великие» Французская (конца XVIII в.) и Русская (1917 г.) революции характеризуются не только их грандиозными историческими последствиями (которые, с либерально-прогрессистской и марксистской точки зрения, обычно оцениваются положительно), но и широким применением террористических методов политической борьбы для разрушения традиционного общества и государства и подавления политических оппонентов.

Именно критика революции как убийцы государства и традиционных ценностей, включая критику террора как неизбежного спутника революции, привела к возникновению являющейся извечным противником либерализма идеологии *консерватизма* как аристократической реакции на революционные события во Франции на рубеже XVIII–XIX вв. Критика же большевистского террора и диктатуры европейскими социал-демократами (например, в работах К. Каутского «Демократия или диктатура» или «От демократии к государственному рабству») привела, как известно, к серьезной трансформации западноевропейской социал-демократии.

Положительная оценка исторических последствий революций и сегодня часто переносится на саму революцию, перерастая нередко в ее *апологию* и *романтизацию* – и с либерально-прогрессистской, и с марксистской точки зрения. Апология же и романтизация революции, как

показывает история, приводит к тому, что либерализм становится начальным «питательным бульоном» для возникновения террора (большевистского террора и гражданской войны в результате революции 1917 г., или нацистского террора и гражданской войны в результате «революции достоинства» на Украине в 2014 г.).

Апологетов революции не может спасти и ссылка на ненасильственные «цветные революции», которые в последние годы быстро перерастают в революционный террор.

О.В. Чистякова. [Революция и этническая составляющая проблемы социальной стабильности]

Обсуждая на нашем круглом столе проблемы социальной стабильности, возникающие в послереволюционном дискурсе, необходимо особо отметить роль и значимость этнической составляющей. Это весьма актуально сегодня в России в связи с начавшимися процессами формирования национального государства.

Этнический принцип построения государства до сих пор имеет распространение в современных обществах и при определенных обстоятельствах может сыграть как положительную роль объединения страны перед лицом внешних угроз, так и роль деструктивную, разрушающую основания того или иного государства.

В современной России в социальных и политических науках, в политической сфере все еще сохраняется идеолого-концептуальное положение, что этничность есть основа государственности, а соответствие между государственными и этническими границами собственно и означает создание национального государства.

С нашей точки зрения, этничность не может служить эффективной моделью государственности даже для внутригосударственной структуры,

а тем более выступать доминирующим принципом в нациестроительстве, которое как цель обозначено Российской Федерацией с начала 90-х гг. прошлого столетия.

При обосновании этничности как общенационального принципа создается этнополитическая модель построения государственного организма, способствующая тому, что составляющие государство этнические сообщества начинают отождествлять себя прежде всего с собственным национально-государственным образованием, а не с государственной общностью в целом.

В результате общегражданские/общенациональные начала оказываются ослабленными или вовсе не существуют. Этнополитическая модель государственности прямо противоречит процессу формирования нации, а, при определенных объективных и субъективных условиях, может вызвать и разрушение государств.

Сегодня надо помнить, что в революциях этническая составляющая имеет огромную значимость, более того, политические элиты зачастую используют этничность в качестве движущей силы создания социальных конфликтов и революционных актов. Но в действительности за всеми этими действиями могут стоять лишь утилитарные экономические причины и цели. Яркий пример тому – современный Ближний Восток, прошедший через горнило революций с якобы этническим подтекстом.

Поэтому в условиях глобализационного мира политика институционализации отдельных этничностей и поощрения «избранных» этнических элит в рамках созданных национальных образований может привести к разрушительным последствиям: как до сецессий отдельных регионов, созданных по этническому принципу, так и до революционных действий.

К сожалению, в России эта проблема также актуальна, поскольку национально-административные образования по-прежнему составляют основу государственности. Политизация институционализированной этничности не только не исчезла, но находится в становлении. Федерация при этом характеризуется ассиметричным социально-экономическим развитием регионов. А это означает, в том числе, и сохранение угрозы возникновения межэтнических конфликтов и этнонационализма.

Этничность нужно, как и церковь, церковность, отделить от государства, сделать вторичной. Должно действовать не два принципа государственного устройства: этнически-территориальный и административно-территориальный, а один – последний.

И Россия сейчас развивает этот принцип – на всей территории постепенно создаются административные округа с уходом от этнического фундамента. Нам представляется это правильным, так как нельзя разрывать единую Россию на отдельные этнические уделы-регионы.

При этом принцип негосударственности этничности не означает какой-то борьбы с последней. Нужно всячески поддерживать этничность в формах культуры, языка, фольклора, лингвокультуры. Однако не следует оформлять этничность государственным образом, ибо это содержит в себе неизбежное скатывание к этнократическому государственному устройству.

Этнокультура должна сохраняться, развиваться и пропагандироваться. Однако в системе политических отношений этнический фактор не должен играть большой роли, а в идеале вообще может быть исключен из политической сферы как самостоятельный и

самоценный. В политике необходимы общечеловеческая и правовая доминанты, но не этническая.

Уроки революции надо помнить, в том числе и уроки не столь давних революционных действий в различных странах, где вопросы этнокультурных отношений сыграли не последнюю роль.

С.Р. Аблеев. [Государственный переворот на Украине]

Уважаемые коллеги, рассматривая проблемы социальной стабильности в контексте столетия Русской революции 2017 г., мы не можем обойти крайне острую тему украинских событий 2014 г.

Об этом уже много писали и говорили, но необходимо еще раз подчеркнуть, что на Украине мы имеем дело не с классической, действительно назревшей революцией, когда, как говорится, *«верхи не могут, а низы не хотят жить по-старому»*. Украинские события 2014 г. являются ярким примером подготовленного извне государственного переворота, осуществленного по отработанной политической технологии так называемой «цветной революции».

В чем смысл этого политического проекта?

Украинский проект – это, прежде всего, геополитическая игра Западного мира против России. Сама по себе Украина в Америке и Европе мало кого интересует. Игра была затеяна Вашингтоном и поддержана европейскими сателлитами с целью ослабления России и сужения Русского мира. Однако, бездумно включившись в эту игру, Европа, в конечном счете, значительно осложнила свое экономическое и политическое положение в результате напряжений с Россией. Только теперь лидеры Евросоюза начинают осознавать, что затяжной конфликт на Украине представляет собой огромный риск для всего европейского пространства.

Насколько успешным оказался проект «цветной революции» на Украине для его идеологов и политических спонсоров?

Действительно, Украину удалось во многом оторвать от России. Если не духовно, то, по крайней мере, политически, экономически и ментально. Уже на протяжении трех лет киевский режим всеми доступными средствами делает из Москвы заклятого врага «великих укров». И надо признать, что многолетнее программирование массового сознания имеет существенные успехи. Во всех естественных и неестественных событиях наши украинские братья начинают усматривать влияние длинной «руки Москвы». Разве что солнечное затмение над территорией Украины пока происходит в силу природных закономерностей, а не инспирировано «москалями».

Тем не менее, несмотря на некоторые успехи этого геополитического проекта, многое пошло не так, как, вероятно, предполагали его идеологи.

Во-первых, так и не получилось создать стабильное управляемое марионеточное государство на границе с Россией, которое выполняло бы функции политического буфера, а если потребуется, и военно-политического тарана Русского мира. Украина оказалась экономическим банкротом. Политические механизмы управления рушатся. Страна балансирует на грани масштабной гражданской войны, и никто не знает, как это можно остановить.

Во-вторых, были потеряны стратегически важные территории – Крым и Восточная Украина (Донецкий и Луганский регионы), которые отошли под влияние России. Никакие экономические санкции и политические угрозы Запада не изменят сложившуюся ситуацию.

В-третьих, был создан опасный очаг нестабильности на европейском пространстве, который порождает немалые политические, экономические и миграционные угрозы Евросоюзу. Вполне очевидно, что оценка этих угроз из Вашингтона выглядит совершенно иначе, чем из Брюсселя. Если американские лидеры в результате получили конкурентное преимущество на европейском пространстве, то европейские лидеры получили только дополнительную головную боль.

Таким образом, идеологи киевской «цветной революции» во многом просчитались. Они не понимали, да и сейчас до конца не осознают сложные культурные доминанты и скрытые социально-экономические противоречия государства «Украина». Проблема состоит в том, что такого государства в современных границах никогда не было. Оно возникло искусственно в силу целого ряда исторических причин и не имеет прочного фундамента.

И это искусственное, порой случайное соединение различных этносов, культур и политических ориентаций под влиянием оголтелого национализма породило взрывоопасное состояние массового сознания, которое еще долго будет сохранять свой разрушительный потенциал. Джин национализма и неонацизма был выпущен из бутылки.

Сколько времени пройдет, пока его нейтрализуют и загонят обратно – в состояние исторического небытия? Можно предполагать, что мы увидим еще немало драматических событий на Украине, которая уже никогда не вернется в свои унаследованные от СССР границы и испытает немалые политические трансформации и экономические катастрофы...

Спасибо всем, кто откликнулся на приглашение принять участие в дискуссиях сегодняшнего Стола.

А также, пользуясь случаем, анонсируем наш следующий круглый стол, который будет посвящен тесно связанной с поставленными сегодня вопросами теме «Фундаментальные ценности России и Запада: аксиологическое измерение столкновения цивилизаций в XXI веке». Он запланирован на февраль 2017 г.

Приглашаем всех к участию.

Библиография

¹ Философские исследования и современность: Выпуск 1 / ред.: С.Р. Аблеев, А.Л. Золкин, П.П. Марченя. М., 2012.

² Философские исследования и современность: Выпуск 2 / ред.: С.Р. Аблеев, П.П. Марченя, А.В. Чертищев. М., 2013.

³ Философские исследования и современность: Выпуск 3 / ред.: С.Р. Аблеев, П.П. Марченя, А.В. Чертищев. М., 2014.

⁴ Философские исследования и современность: Выпуск 4 / ред.: С.Р. Аблеев, П.П. Марченя, А.В. Чертищев. М., 2015.

⁵ Философские исследования и современность: Выпуск 5 / ред.: С.Р. Аблеев, П.П. Марченя, А.Л. Золкин, Н.Ф. Медушевская, А.В. Чертищев. М., 2016.

⁶ Народ и власть: [Научный проект] // Соционет (SocioRePEc): [Открытый Архив научной информационной системы Соционет ЦЭМИ РАН] [Электронный ресурс]. URL: <http://socionet.ru/collection.xml?h=repec:rus:tqtvuj>.

⁷ Общественное правовое сознание и отечественная философская традиция в контексте проблем духовного суверенитета России. М., 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/ops.pdf>.

⁸ Общественное сознание и отечественная философская традиция в контексте проблем духовного суверенитета России: материалы межведомственного круглого стола // Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.: сборник научных статей и материалов круглых столов. М., 2016. С. 837–854.

⁹ Кризис как фактор социального развития. М., 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/crisis.pdf>.

¹⁰ Кризис как фактор социального развития: история и современность: материалы межведомственного круглого стола // Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв. М., 2016. С. 855–876.

¹¹ Цивилизационный суверенитет России: проблемы и перспективы. М., 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/civil.pdf>.

¹² Цивилизационный суверенитет России: проблемы и перспективы: материалы межведомственного круглого стола // Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв. М., 2016. С. 877–903.

Электронный препринт в Открытом Архиве Соционет:

Столетие Русской революции в контексте проблем социальной стабильности и безопасности / под ред. С.Р. Аблеева (рук. авт. кол.), П.П. Марченя (отв. ред.). – Москва, 2017. – 44 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://users4496447.socionet.ru/files/4.100.pdf>

Усл. печ. л. 2

© Аблеев С.Р., Марченя П.П., Васечко А.А., Галанина Н.В., Глинчикова Е.В., Золкин А.Л., Кулачков В.В., Медушевская Н.Ф., Митин А.В., Михалев С.В., Неганов В.В., Парилов О.В., Стрелкова Н.В., Ткаченко А.Г., Треушников И.А., Фролова Т.Н., Чистякова О.В., Шашурина Г.В., Щелоков К.С., 2017

© Научно-теоретический семинар «Современная философия: актуальные идеи и тенденции», 2017